

На правах рукописи

ПОЕЛУЕВА Любовь Александровна

**МАССОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КУЛЬТУРНОЙ
ПАРАДИГМЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Саранск 2005

Работа выполнена на кафедре современной журналистики и общественного мнения ГОУВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»

Научный консультант – доктор социологических наук профессор
Петр Николаевич Киричек

Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор
Олег Сергеевич Пугачев;

доктор философских наук профессор
Ирина Львовна Сиротина;

доктор философских наук доцент
Светлана Каимовна Шайхитдинова

Ведущая организация – **Нижегородский государственный педагогический университет**

Защита состоится 25 ноября 2005 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.03 при Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева по адресу: 430000, г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39-а, НИИ регионологии, 3-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени М.М. Бахтина Мордовского государственного университета.

Автореферат разослан 24.09.2005 2005 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук
доцент

В.М. Сидоркина

2006-4
18243

2180974

1

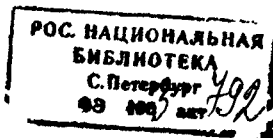
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Предлагаемое исследование выявляет скрытые детерминанты общественного развития, синергия которых обнаруживает себя как в символическом культуротворчестве, так и в последующих преобразованиях социальной системы. Сопреженность культуры и механики социального развития самоочевидна. Культура как верховная смысловая область способна сообщать обществу поведенческие императивы различной ценностной окрашенности, заставляя его менять собственную структуру и характер внутренних отношений. В этом смысле огромные возможности для плодотворного изучения представляют особые культурные состояния – состояния «перехода» от упорядоченного социального устройства к хаотическому, характеризующемуся распадом одних структур и возникновением других. Эти процессы сопровождаются большими выбросами «культурной энергии», заявляющими о себе в активных социальных трансформациях. Они позволяют увидеть историю общества в концентрированном парадигмальном виде, а культурные символы и знаки – перемещающимися по линиям социальной коммуникации, организующей «центры», вокруг которых и совершается социальное строительство.

Данная тема имеет особую значимость в связи с необходимостью осмысления социокультурных трансформаций в современной России, во многом проходящих под влиянием и контролем средств массовой информации (СМИ). Именно с инициативными практиками средств массовой информации в глобальном культуротворчестве связаны особенности нынешнего «переходного» состояния.

Современные СМИ являют собой показательную модель того, как «устроена» культура. По мысли Ю. М. Лотмана, она представляет собой «сложно организованный коммуникативный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее компактные способы, получает новую, зашифровывает и дешифровывает сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую» (Лотман Ю. М. *Культура и информация* // *Семиосфера*. – СПб., 2000. – С. 395).

Контекст новейших коммуникационных технологий, позволяющих переносить огромные объемы информации на неограниченные территории, делает особенно впечатляющими санкционирующие и разрешительные функции культуры. Так, средства массовой информации в период социетальных реформ в России в конце XX века достаточно легко внедрили в сознание советского народа, начав изнутри трансформировать его опорные ценности, формировать символику новых социальных идентичностей, создавая новую семантику и семиотику социальной коммуникации. И теперь должен пройти определенный период времени, прежде чем культура

начнет обнаруживать признаки нового общественного порядка. Этот момент мы и обозначаем в терминах «культурной парадигмы переходного периода».

Таким образом, предложенная тема, выводимые из нее проблемы, методы интерпретации полученных данных создадут специфический научный контекст, который может быть соотнесен со сферами социальной философии, социологии, психологии, гносеологии, коммуникативистики и – в качестве интегрирующей области – культурологии. Опорными категориями в данном контексте выступают «культура», «массовая информация» и «переходный период». Именно вокруг них и в связи с ними возникают проблемы «самоорганизации социальных систем», «смены моделирующих оснований культуры», «выработки языка коммуникации», «информационной инженерии», «манипуляции сознанием и общественным мнением», «получения объективного и достоверного знания» и др. Очевидно, что обозначенные здесь проблемы необходимо рассматриваются в связи с особенностями нынешнего переходного периода в России, во многом проходящего под влиянием и контролем средств массовой информации.

Несмотря на изучение отечественной наукой различных аспектов практики культурных переходов, сегодня еще не создано целостной концепции культурно-символической трансформации, или «культурной парадигмы» переходного периода, хотя теоретический и прагматический интерес к явлениям переходного типа сейчас как никогда актуален. Это и составило профиль исследовательских притязаний автора диссертации.

Степень изученности проблемы. Изучение феномена культуры связано с проблемой обобщения многовариантности смыслов, вкладываемых в семантику понятия культуры. Наиболее часто культура рассматривается как специфическая область духовной жизни, связанная с накоплением формализованных ценностей в сфере художественного творчества, философии, науки. Это очень давняя культурологическая традиция. На этом основании некоторые философы и сегодня выводят различие между культурой и цивилизацией, когда культура аккумулирует в себе сумму отличительных признаков, а цивилизация – всеобщих (см.: *Ракитов А. И. Философия компьютерной революции.* – М., 1989).

Отсюда проистекают концепции «высокой» и «низкой» культуры, всевозможные теории массовой культуры (см.: *Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура : Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес.* – М., 1985). Самое губительное следствие этого – представление о культуре как о смежном с идеологией и политикой институте, опосредованное влияние которых друг на друга и составляет механизм социокультурной динамики. Тогда как очевидно, что и идеология, и политика суть формы проявля-

ния собственно культурной динамики. Культура выступает как генерализующая смысловая область по отношению к различным формам духовной практики, в противном случае социальное бытие не имело бы общего основания, при котором только и возможно общее развитие.

Историческая борьба за монополию в сфере информации есть самое впечатляющее доказательство того, что культура не может быть связана только с накоплением «отличительных» характеристик. Обозначение во времени и пространстве – одно из сопутствующих условий культуры, служащее главному – развитию общества, повышению адаптивных возможностей человека к меняющимся природным условиям, частью которых является сам человек и изменяемый им ландшафт.

Далее, культура осуществляет грандиозный синтез идей, ценностей, представлений и вводит их в межличностное и межгрупповое взаимодействие. Это объясняет во многом социальные функции культуры как своеобразной церкви, дающей духовную санкцию на отправление тех или иных моральных и бытийных норм (см.: Панарин А. С. *Стратегическая нестабильность в XXI веке.* – М., 2003).

Данные свойства культуры представляются особенно важными в контексте новейших коммуникационных технологий, создающих феномен глобального информационного поля, внутри которого формируется с непостижимой скоростью новое качество информационных обменов и оформляются новые показатели самого феномена культуры. Одним из таких показателей стала активизация массовой коммуникации, представляемой специфическими каналами периодической печати и телевидения.

Для русской культуры и русского сознания новое качество коммуникационных отношений стало серьезным мировоззренческим и психологическим испытанием. В случае с массовой информацией русская культура столкнулась с грандиозным обманом, с подменой бытийной сущности и формы. Русская культура в основе своей – книжная культура, пришедшая на Русь из Византии и связанная с проповедью праведной православной жизни. Из этого феномена постепенно сложилась связь святости и книжности, ставшая на века одним из самых устойчивых мировоззренческих стереотипов русской культуры. В период социстальных реформ в России в конце XX века средства массовой информации незаметно для массового сознания – под культурным прикрытием сокровенной народной памяти – начали изнутри трансформировать его опорные культурные ценности, вводить в духовный оборот новые поведенческие стандарты, своеобразно санкционируя их существование в повседневной жизни и готовя таким образом предпосылки для последующей социальной трансформации.

Потенциал культуры служит своего рода «охранительной грамотой» для социального иммунитета, выступая как традиция, способная ограничи-

вать непривлекательные культурные новшества, если они противоречат системе устойчивых социальных представлений. Но современные средства массовой информации научились успешно преодолевать пограничные культурные рубежи, используя все имеющиеся в их распоряжении средства – начиная с приемов, эксплуатирующих биологическую природу человека и заканчивая новейшими неориторическими технологиями. Это тем более опасно, что культура обладает огромной духовной властью поощрять или не поощрять какие-либо ценности, вводя их в массовый оборот. В этой связи представляется чрезвычайно важным рассмотреть взаимодействие массовой информации и культуры в рамках социальной трансформации переходного периода.

В современной коммуникативистике для описания переходных состояний в культуре и социальном развитии применяется категориальный аппарат теории самоорганизации сложных динамических систем (синергетики). Понятия «энтропии», «бифуркации», «флуктуации», «диссипации», «аттрактора» претендуют сегодня на роль категорий общетеоретического характера, позволяющих описывать динамику процессов в самых различных областях научного знания и социального действия. Парадигмальный статус при этом сохраняют две категории – «порядок» и «хаос». Согласно И. Р. Пригожину, рассмотревшему необратимые процессы в различных средах, выделяются разные формы системной динамики – упорядоченная и хаотическая. С первой связывается так называемое равновесное состояние системы, со второй – неравновесное. Развитие сложной системы при этом осуществляется дискретными переходами от одного состояния к другому (см.: Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. пер. с англ. – М., 1986).

Системные конструкты синергетики, будучи экстраполированными на область социального творчества, дают интересную картину. Основной причиной социальных переходов является «информационное возмущение», возникающее в системе (в данном случае – в обществе) вследствие устойчивого имманентного свойства самой же информации – тенденции к саморазвитию. В пространстве культуры информация обретает форму идей, актуализирующихся в виде символов и знаков. Борьба за доминанту каких-либо из них движет огромными массами людей, заставляя их менять вслед за идеями стереотипы поведения и трансформировать социальное устройство. Точки бифуркации оказываются историческими моментами, когда напряжение противоречивых полюсов в культурном пространстве достигает момента наивысшего напряжения, и тогда система выходит из равновесия. В эти моменты поведение как отдельных людей, так и масс перестает быть культурно нормируемым, «автоматически предсказуемым». Подобные состояния и являются «моментами революций» или резких исторических сдвигов, то есть

«переходами» от одного типа общественных отношений к другому. Таким образом, в основе перехода оказывается смена привычного типа коммуникации с соответствующим массово-информационным наполнением и формирование другого его аналога, выводящего общество на новые уровни структурной организации.

Объектом настоящего исследования является массовая информация как онтологически укорененное свойство культурного процесса, определяющего развитие и эволюционную адаптацию общественной системы.

Предметом исследования выступают механизмы функционирования массовой коммуникации как социально-технологического средства, обеспечивающего перемещение внутри общества социокультурной информации.

Цель исследования состоит в создании массово-информационной концепции «переходного периода» в культуре как методологического обоснования процесса социальных трансформаций в границах культурфилософского знания.

Поставленная цель предполагает решение следующих основных **исследовательских задач**:

1. Обосновать подходы к созданию методологии культуры как коммуникативного механизма:

- определить роль культуры в эволюции общественной системы;
- раскрыть понятие и содержание парадигмы «переходного периода» в культуре;
- объяснить связь культуры с категориями информации и управления через распространение культурной символики;
- выявить исходные психологические основания культурной коммуникации;
- показать соотнесенность прогностического мышления и социальных трансформаций;
- выделить языковые особенности культурной коммуникации переходного периода.

2. Раскрыть основные положения массово-информационной теории культуры переходного периода:

- описать инициативные информационные практики выведения социальной системы из равновесного состояния;
- определить гносеологические возможности категорий иронии и условности в контексте общеевропейской социальной трансформации;

- объяснить механику информационного разрушения семантического пространства культуры;
 - выявить основания для формирования культурного аттрактора переходных периодов;
 - обозначить содержание и специфику культурных технологий переходного периода.
3. Показать роль публичной сферы в механике культурных переходов:
- исследовать коммуникативный механизм публичности;
 - определить основные культурные функции публичной сферы;
 - выявить структуру публичной сферы и ее базовые компоненты – известность и актуальность;
 - раскрыть психологическую природу общественного мнения как механизма самоорганизации социальных систем.
4. Выявить возможности информационного моделирования в культурной практике современной России:
- показать «инженерные» возможности современных средств массовой информации в управлении культурным процессом;
 - раскрыть основные технологические приемы изменения массового сознания через создание картины мира и введение опорных культурных концептов;
 - объяснить психологические функции познавательного механизма повседневной типизации в процессах формирования новых социальных общностей;
 - определить систему формирующихся культурных представлений переходного периода в России конца XX века.

Теоретико-методологические основания и источники исследования. Намеченный подход к разработке поставленных задач определяет значимость настоящего исследования. Круг обозначаемых вопросов позволяет по-новому представить и, соответственно, расширить дискурс культурфилософской проблематики, введя в него, например, такие темы, как постнеклассическая эпистемология переходных культурных состояний, массово-информационная природа социальных трансформаций, семиотико-символическая дешифровка культурных процессов и т. д.

Предложенная концепция возникла во многом в результате изучения автором обширного круга теоретических источников. Первостепенную важность, несомненно, имеют труды, создающие философский контекст исследования (Л. Витгенштейн, Х.-Г. Гадамер, А. А. Гагаев, П. П. Гайденко, Г. В. Гегель, Э. Гуссерль, Э. В. Ильенков, И. Кант, М. К. Мамардашвили, К. Маркс, Ф. Ницше, А. С. Панарин, К. Поппер, А. И. Ракитов, В. С. Степин, Ф. Шлегель, Ф. Энгельс). В его рамках значительное место занимают труды,

раскрывающие сущность *теории самоорганизации сложных динамических систем* (А. А. Богданов, Н. Винер, К. Глой, С. П. Капица, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. И. Рузавин, Г. Хакен) и *теории познания* (А. А. Брудный, Дж. Брунер, Х.-Г. Гадамер, С. Гроф, Р. Декарт, Ж. Делез, Ж. Деррида, И. Т. Касавин, П. В. Копнин, В. А. Лекторский, И. П. Меркулов, Н. С. Савкин, Д. Серл), *культурфилософское осмысление эволюции* (А. Бергсон, В. Грант, Л. Н. Гумилев, Ф. Кликс, К. Леви-Стросс, Н. Н. Моисеев, Б. Ф. Поршнев, Э. Б. Тайлор, О. Шпенглер, Э. Шюре, М. Элиаде).

Необходимым и плодотворным оказалось привлечение трудов, в которых исследуются **психологические основания социального поведения** (Г. М. Андреева, П. Лазарфельд, Г. Лебон, Ж. Липовецки, Г. Маркузе, А. Маслоу, С. Московичи, Д. В. Ольшанский, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, Р. Харрис, М. А. Холодная, Ю. А. Шерковин, К. Г. Юнг) и **проистекающая из них динамика социальных структур** (Б. Андерсон, З. Бауман, Д. Белл, П. Бурдьё, А. Б. Гофман, Э. Гидденс, А. Дугин, Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, В. Л. Иноземцев, Л. Г. Ионин, М. Кастельс, Б. Ф. Кевбрин, Н. Д. Кондратьев, Н. И. Лапин, Н. Луман, Н. Н. Моисеев, Э. Норберт, Т. Парсонс, А. И. Сухарев, А. Турен, В. Г. Федотова, А. Хоннет, А. Л. Чижевский, А. Шюц).

Особое внимание было уделено источникам, раскрывающим специфический контекст **массовой коммуникации** (Д. И. Блюменау, Н. Н. Богомолова, Ю. П. Буданцев, Н. Винер, В. М. Горохов, А. А. Грабельников, Б. А. Грушин, Ш. Гоуайзер, И. М. Дзялошинский, Е. Н. Дубровский, Е. Г. Дьякова, И. И. Засурский, Л. М. Землянова, П. Н. Киричек, В. Д. Мансурова, Н. Нойман, Е. П. Прохоров, Л. Г. Свитич, В. В. Ученова, Л. Н. Федотова, С. К. Шайхитдинова, У. Эко).

Интегрирующим началом в настоящем исследовании стали труды по **теории и философии культуры** (С. Бенхабиб, В. Беньямин, В. С. Библер, А. Н. Веселовский, Н. И. Воронина, Г. Д. Гачев, К. Гирц, В. фон Гумбольдт, П. С. Гуревич, И. П. Ильин, М. С. Каган, Н. Л. Новикова, О. С. Пугачев, И. Л. Сиротина, А. Тоффлер, О. М. Фрейденберг, Ю. Хабермас). Пристальное внимание при этом уделялось теоретическим разработкам **философии постмодернизма**, пытающейся осмыслить коммуникационный стиль современной культуры на этапе ее перманентной неопределенности, возникшей в связи с развитием глобальных информационных систем (Н. С. Автономова, Ж. Аттали, Ж. Бодрийяр, О. Вайнштейн, Ж. Делез, Ж. Деррида, Д. И. Дубровский, И. П. Ильин, Ж.-Ф. Лиотар, В. Пелевин, И. Скоропанова).

Парадигмальный взгляд на культуру позволяет автору рассматривать ее не просто как часть процесса социальной эволюции, но как его онтологическое основание. В этом смысле автору наиболее близка **синергетика**

(теория самоорганизации сложных динамических систем) и ее философская экстраполяция на все известные сферы знания, физического мира и социальной практики. Претензии синергетики на роль универсальной мировоззренческой парадигмы автором воспринимаются как полностью обоснованные. С точки зрения синергетики динамические процессы в сложных системах, включающих и культуру, характеризуются распадом системных связей на одном уровне и выстраиванием их на другом. Культура в этом случае выглядит как открытая система, встроенная во внешний мир, вбирающая его в себя, перерабатывающая информацию о нем и вновь возвращающая ее миру уже переработанной (упорядоченной, организованной) сообразно логической структуре своего знаково-символического языка.

Подобный подход к культуре воспроизводит традиционный для философии диалектический метод исследования, позволяющий наблюдать объекты окружающего мира в их сопряженности и взаимозависимости. Для автора он является методологически генеральным, обнаруживающим себя во всех разделах диссертации. При этом он дополняется методами экзистенциальных исследований – в этом смысле платоновская эйдология, декартовский рационализм, теория отражения и феноменологическая редукция присутствуют в исследовании как равноправные и взаимонеобходимые.

Автором широко используются ссылки на авторитетные мнения известных специалистов в различных областях гуманитарного и естественного знания, включая публицистические тексты, эмпирические наблюдения практиков современных средств массовой информации, собственные наблюдения диссертанта.

Таким образом, использованные при подготовке диссертации источники представляют развитие философско-гуманитарного знания в его широкой временной и пространственной перспективе.

Во-первых, это труды, составляющие «золотой фонд» отечественной гуманитарной мысли: М. М. Бахтина, В. Г. Белинского, А. Белого, Н. А. Бердяева, В. М. Бехтерева, С. Н. Булгакова, В. И. Вернадского, А. Н. Веселовского, Л. С. Выготского, Т. Н. Грановского, В. И. Ленина, А. Н. Леонтьева, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Н. О. Лосского, П. Н. Милюкова, А. А. Потебни, В. С. Соловьева, П. Сорокина, П. А. Флоренского и др.

Во-вторых, труды крупнейших представителей зарубежной философской и социологической мысли: М. Вебера, Л. Витгенштейна, В. Дильтея, Э. Дюркгейма, И. Канта, Ф. Ницше, Э. Кассирера, Г. Лебона, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Поппера, Ж.-П. Сартра, А. Тойнби, Э. Фромма, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, К. Ясперса и др.

В-третьих, работы современных авторов, исследующих культурный процесс во всем многообразии его составляющих: Х. Арендт, В. С. Библера, Л. Е. Гринина, А. Я. Гуревича, Л. М. Баткина, Г. Бейтсона, В. В. Богуслав-

ской, В. Г. Борзенкова, Ю. П. Буданцева, А. Б. Гофмана, Н. В. Громыко, Б. А. Грушина, П. С. Гуревича, А. А. Гуссейнова, Р. Дилтса, Т. М. Дридзе, Б. А. Ерасова, А. А. Зиновьева, Г. А. Зюганова, В. Л. Иноземцева, В. А. Кантора, С. Г. Кара-Мурзы, Ф. Х. Кессиди, Л. Н. Когана, Б. Крэйхи, А. С. Майданова, Л. А. Микешиной, Л. Н. Митрохина, Т. И. Ойзермана, М. К. Петрова, Б. Ф. Поршнева, Г. Г. Почепцова, Б. Рассела, П. Рикера, М. Н. Руткевича, Ю. С. Степанова, А. А. Тахо-Годи, В. Г. Федотовой, М. Хардта, Р. Харриса, С. С. Хоружего, Дж. Холтона, Е. Л. Чертковой и др.

В-четвертых, материалы дискуссий в рамках «круглых столов» и статьи в журналах «Вопросы философии», «Вопросы психологии», «Философия и общество», «Вестник Московского университета. Серия «Журналистика», «Социс», «Полис», «Логос», «Человек», «Журналист», «Пушкин» и др., в которых автор обнаружил отдельные аспекты исследуемых вопросов.

В-пятых, работы зарубежных ученых на английском, немецком и французском языках, позволившие автору дополнить представление о тенденциях в исследовании современного культурного процесса.

В-шестых, современные массово-информационные (газетные, журнальные, радио- и телевизионные) тексты, взятые в период с середины 80-х гг. XX века и по настоящий день, позволившие автору проследить динамику социокультурных трансформаций, сопряженных с изменениями текстовых структур. Они же составили и значительную часть эмпирической базы исследования.

Научная новизна работы. Полученные в ходе настоящего исследования результаты, а также примененные нами подходы к разработке поставленных проблем представляют научную новизну для культурологии, философии, социологии, психологии, теории коммуникации, литературоведения.

К числу важных научных новаций могут быть отнесены следующие:

- выработана методология, позволяющая рассматривать культуру как необходимую (причинно-следственную) часть эволюционного процесса;
- создана философская парадигма, позволяющая обнаруживать сопряжение культуры с социальной динамикой и формированием социальных структур;
- разработана теория переходных периодов в культуре: от равновесных состояний - к хаотическим (и наоборот).

Важнейшим научным результатом исследования можно считать выявление культурного механизма социальных трансформаций, с помощью которого (через посредство массовой информации) осуществляется практика создания управляемых социальных систем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Автором теоретически осмыслен и разработан принцип изучения культуры как имманентного обществу явления, как сферы метаязыка по отношению к социальной эволюции. В основе этого принципа лежит представление о фундаментальных претензиях эволюции на упорядоченное, иерархизованное бытие человека, возможное только в границах и форме определенной общественной системы. Понятие «перехода» в культуре в этом случае можно считать и терминологическим, и методическим ключом, помогающим уяснить фундаментальные закономерности бытия. Автор утверждает, что «переходные» периоды являются необходимым условием развития любой системы, в том числе и социальной, так как через «смещение» исходных элементов, происходящее в это время, осуществляется вывод системы на новые уровни структурной организации.

2. В диссертации показано, что фундаментальный принцип классического детерминизма – «будущее как следствие проистекает из настоящего как из причины» – оказывается не работающим на больших исторических пространствах, где случайность в виде спонтанно возникающих идей открывает большие возможности для культурного и социального творчества. Идеалы, которыми одержимы субъекты культурного творчества, создают мощное поле притяжения, втягивающее в себя главные события текущего момента и организующее их архитектуру. Так запускается механизм социальных трансформаций, демонстрирующий важнейшую эвристическую функцию культуры – вырабатывать и конвертировать поведенческие смыслы, облекая их в форму знаков и символов; подобным образом «сообщая» членам общества содержание поведенческих норм – управлять их социальным поведением. Отсюда автор выводит проблему необходимой культурной грамотности – способности расшифровывать семиотические коды современной цивилизации.

3. Автор исходит из того, что современное состояние общемирового культурного процесса – всего лишь малая часть большого модернизационного проекта, который в облике Возрождения вошел в человеческую историю и сообщил ей мощное ускорение. Текущий период социальной истории, проходящий под знаком высокоскоростных изменений во всех сферах жизни – как типичный режим с обострением – позволяет обнаружить существенные закономерности функционирования культуры через связь ее с такими универсальными социальными феноменами, как информация, коммуникация и управление, в контексте которых и осуществляется внутреннее социальное развитие. Автор полагает, что социальной структурой, соединившей в себе все эти три феномена, стала в XVII веке журналистика, развившаяся с течением времени в глобальную систему средств массовой информации. Захватив на больших исторических пространствах коммуникативную

инициативу, средства массовой информации стали в практике новейшего времени незаменимым механизмом, позволяющим производить и транслировать культурную символику в режиме политических технологий. Средства массовой информации сыграли главную роль в символическом инициировании «переходного периода» в культуре России в конце XX столетия, радикально переделавшего социальную структуру страны.

4. Борьба за историческое и социальное лидерство принимает в поле культуры форму борьбы за освоение символического капитала. Автор обнаруживает исходные основания этой борьбы в самой природе человека – в древнейших пластах его психики. На определенном этапе эволюции создались условия, которые стимулировали развитие коммуникационных взаимодействий, переводящих данные условия во внутренний мотивационный план. Формирование культуры как коммуникативного механизма, действующего на основе психических мотиваций различных уровней, связано с развитием индивидуального сознания и, прежде всего, с совершенствованием и возрастающей ролью в поведении живых существ процессов научения и их результатов. Важнейшим итогом стало развитие прогностического, предвосхищающего мышления, с помощью которого человек научился символически моделировать и планировать ситуации общего действия. Так постепенно складывалась иерархия эволюционного опыта, закрепляемая в символике мифотворчества. Миф как прогностическая познавательная модель скрывает в себе не только логическую (Ю. М. Лотман), но и психологическую историю становления общественных отношений, его структура содержит модель социальных отношений и действий.

5. История социальной эволюции представляется автором как процесс разрешения и преодоления противоречий между «индивидуальным» и «массовым» компонентами психики, сопровождающегося «высечением» культурных символов. Эволюционные «неровности» создаются диалектическими переходами от периодов активной индивидуализации сознания, осваивающего новые уровни социальной организации, к периодам активной массовизации сознания, закрепляющего новые формы социального опыта и в то же время строго оберегающего условные познавательные границы, выход за которые угрожает видовой и групповой целостности и безопасности. И чем активнее и свободнее ведет себя индивидуальное начало в человеке, тем агрессивнее и жестче на это отвечает его массовая древняя природа. Переходные периоды в культуре демонстрируют ожесточенные «столкновения» между массовым и индивидуальным сознанием, или попытки человеческого духа вырваться за пределы биологической природы, в том числе с помощью информационных технологий.

6. Реакцией на появление в культурном пространстве индивидуальных прогностических моделей становится актуализация архаических форм позна-

ния. С точки зрения автора, это не что иное, как вызванное сегодняшней нестабильностью возвращение к вариантам массового реагирования на опасность окружающей среды, требующим постоянной психической мобилизации. Она проявляется в повышенной социальной агрессивности и выражающей ее агрессивной культурной символике. Человек индивидуальный оказывается постоянной точкой бифуркации, именно на него эволюция возложила ответственность за выбор пути видового и внутривидового развития, и человек массовый вынужден реализовывать этот выбор, принимая, отвергая или же ограничивая до безопасных социальных пределов «порывы» человеческой индивидуальности, – так исторически складывается механика культурной коммуникации от самых древнейших ее форм до современных. Расширение сферы массовой культуры со второй половины XIX столетия, создание индустрии массовой культуры во главе с глобальными коммуникационными сетями к концу XX века – все это следует рассматривать как неосознаваемую массовую реакцию человечества на социальные проекты новейшей истории.

7. Внутрикультурное взаимодействие описывается автором как влияние одних социальных групп на другие, оно относится к области так называемых тонких воздействий и связано с влиянием коммуникационного механизма, создающего и транслирующего систему культурных кодов. На уровне общественного взаимодействия это выглядит как обмен мнениями, ценностями, нормами повседневного поведения. При этом направление обмена определяется расстановкой сил: общественные группы, экономически и социально приобретшие статус культурно престижных, выступают создателями мнений, остальные – их потребителями. Соответственно, в общественном мнении становятся преобладающими культурные коды престижных групп. Культурно востребованными оказываются носители ярко выраженного индивидуального сознания – поэты, художники, политики, публицисты. Стремление приобщиться к носителям авангардных социальных признаков во многом определяет вектор социокультурной динамики.

8. Воспроизводство социальных структур автор рассматривает как коммуникативный процесс, который протекает в глубинных пластах культуры. Он выявляет себя, с одной стороны, в семантико-семиотических различиях повседневной культурной символики, с другой стороны – предстает как попытка выработки языка новой коммуникации, описывающего вновь возникающие типы социальных отношений и подчиненного иным, чем прежде, ценностям и целям.

Внутриязыковые конфликты типичны для переходных периодов. Они создают своеобразное «культурное напряжение» в самых глубинных пластах повседневности. Подобным напряжением отмечены все переходные состояния европейской культуры Нового времени. Результатом его оказывается воссоздание социальной формы. Автор усматривает в этом важнейший

принцип культуры – принцип эволюционного соответствия. Основа его – архаические схемы массового реагирования.

9. Переход к новым формам социальной организации является следствием активизации модернистской психологии, что неизбежно влечет за собой изменение познавательного стиля – введение в него логики сомнения. В публичной сфере формируется почти неосознаваемый протест против существующих способов выражения переживаемого чувства, принимающий различные формы нигилизма. Познавательный стиль нигилизма – это различные формы иронической практики. Ирония выступает как гносеологически мягкая культурная технология изменения сознания, создающая ценностное и политическое алиби новым культурным нормам. Актуализация иронии в эпоху Просвещения отметила наступление в Европе периода иронической культуры. Ее отличительная особенность – перенесение плана активных действий из сферы социальной в сферу сознания – в область конструирования поведения социальных персонажей, в область отказа от традиций и свободной смены социальных правил. В европейской культуре Нового времени нигилизм принял форму требований свободы, которая была соотнесена со свободой печатного капитализма как незаменимого ничем средства тиражирования модернистской культурной символики. Таким образом был создан прецедент лавинообразного роста социальных экспериментов.

В ответ на тотальную критику человека европейской культурой Просвещения в ней актуализировались типично «низкие», но самые жизнестойкие ее элементы, восстанавливающие модернистские «обрывы» в массовой коммуникации, – анекдот, сказка, балаган. Представляя мощную психологическую альтернативу разнонаправленным социальным проектам XIX – XX веков, они выстояли в противостоянии с ними, создав к концу XX века феномен массовой культуры, «пропитавшей» средства массовой информации и в итоге «поглотившей» и их. Основой познавательного стиля стало фрагментарное мышление, свойственное культуре непосредственных повседневных восприятий.

10. Основной приметой начинающихся переходов в культуре автор считает увеличение объемов социальной критики, заявляемой в форме развенчания прежних мифов и идеологием. В то же время в публичной сфере начинают проступать неявные, но уже угадываемые контуры новых социальных идеалов, инициирующие создание новой социальной мифологии и готовые массовое сознание к рождению новых носителей культурной символики. Культурная прогностическая модель («аттрактор эволюции») содержит два доступных для восприятия на массовом уровне конструкта: образ сильного героя и образ социальной иерархии, то есть модели политического устройства общества, в которую «впишется» авангардный тип личности. В культуре переходного периода современной России осуществить

столь грандиозную работу по созданию обобщающей социокультурной модели в короткое время могли только средства массовой информации. Они «вскрыли» семантико-ценностное единство общепринятых понятий и смыслов, используя специфический для переходных состояний культурный код – воспроизводство культурно-символической модели героя в форме мифа, культурно реабилитирующего носителей героических признаков.

Каждая эпоха создает свой тип героического поведения, конвертируя знак героизма между социальными группами. Содержание героического знака между тем остается неизменным – в общем виде это способность к противостоянию различным формам власти и силы. На рубеже 2-го и 3-го тысячелетий этот знак был захвачен криминальной средой, создавшей свой тип героя – агрессивного и не умеющего сдерживать свои стихийные биологические порывы, что вполне вписывается в логику глобальной массовизации сознания. В многочисленных текстах массовой информации проходит символическую дешифровку криминальная реальность. Завоевание культурной символики требует ее закрепления – монументализации – во внешне выраженной культурной символике власти. В сфере массовой коммуникации происходит монополизация информационных потоков.

11. Психологические основания организации социального пространства, выявленные автором, – это презумпция правоты большинства, что с очевидностью демонстрирует публичная сфера культуры. В работе показано, что это не только область синтеза ценностей, идей, формирования социальных настроений, но в первую очередь сфера, в которой происходит выработка форм массового реагирования на внешние условия жизни членов общества, где индивидуальное сознание работает под контролем массового, создающего специфическую систему защиты социальной организации. В механике социальной организации публичная сфера является самым древним элементом. При его посредстве происходило формирование и первичных примитивных дефиниций добра и зла (на основе психических реакций в парадигме «опасно-безопасно»), и последующих – вплоть до наших дней – сложнейших этических и моральных формул, лежащих в основе социальной организации.

Публичная сфера актуализирует исходные формы межличностной коммуникации в форме слухов и сплетен, которые активно использует практика современных СМИ. Публичная сфера – это механизм выведения слухов и сплетен в разряд актуальных, то есть моделирующих основные «силовые» линии социального развития. Самым влиятельным культурным способом создания актуальности являются люди известности. Особым механизмом социальной организации является формирование в публичной сфере общественного мнения. Презумпция правоты большинства, заложенная как гносеологическое основание в природу общественного мнения, обеспечивает ин-

дивидуалистам, прорывающимся к власти, блестящее легитимное прикрытие, описываемое в культурных категориях «интересов и воли народа».

12. В работе впервые философски осмысливается господствующая методология современных средств массового информирования, а именно – фактуализм, возникший на стыке эстетики и гносеологии фрагмента и либеральной идеологии. В его основе лежит порочная установка на отделение фактов от мнений, возникшая как реакция на принцип познавательного релятивизма в эпоху Нового времени. Метод отбора фактов позволяет создавать любые версии действительности при полной убежденности аудитории в том, что нет информации более надежной и достоверной, чем факт. Гносеологический подход убеждает в том, что факт – это форма конкретного знания о действительности, обладающая статусом достоверности, но при этом содержащая в единстве семантический и семиотическо-ценностный планы. По этой причине фактическое знание обладает познавательными ограничениями. Во многом они связаны с тем, что существует принципиальная невозможность вывода в публичную сферу культуры всей создаваемой в обществе информации. Это создает возможность применения в современном культурном процессе больших объемов манипулятивных практик.

13. Автор утверждает, что современные средства массовой информации, аккумулировавшие идеологические (по сути – жреческие) и административные функции, начинают – в силу их небывало широкого распространения в обществе – претендовать на роль онтологического основания социальной организации. При этом отмечается растущее усиление контроля над высокотехнологичными средствами обработки информации. Современную журналистику следует рассматривать как информационную инженерию, эксплуатирующую игровые формы создания жестких управляющих систем, которые способны привести общество к ожидаемым моделям поведения на основе формирования устойчивых идентификационных матриц. Опыт непосредственного практического общения с окружающим миром замещается опытом освоения мира, предлагаемым средствами массовой информации в качестве всеобщей информационной модели действительности.

14. Выявленная автором культурная практика создания управляемых социальных систем опирается на познавательные закономерности «фрагментарной» типизации, которую можно рассматривать как способ «управления культурой». Типологизируя формы социального поведения, журналистские тексты имитируют ту самую «верховную реальность» (А. Шюц), рациональная типологическая организация которой оказывается наиболее полной и насыщенной формой человеческого знания о мире. Через массовое воспроизведение типического поведения выстраиваются социальные структуры и упорядочивается внутреннее социальное движение.

15. В работе описывается смена культурно-символического основания переходного периода в России, проходившая в контексте политического противопоставления консерваторов-коммунистов как воплощенного в советской социальной системе зла и революционеров-либералов, идущих установить действительно демократические блага в ориентированном на свободный рынок общественном устройстве. Посредством СМИ была осуществлена механика прерванной коммуникации, утрата членами общества способности понимать друг друга, то есть распознавать и продуцировать общие смыслы, через обмен которыми осуществляется коммуникация. Нагляднее всего «коммуникационные обрывы» проявляются в сфере политической, там, где осуществляется борьба за культурную символику власти, а значит – за возможность находиться вблизи центров распределения социальных благ и управления социальным развитием. Во главе нынешнего культурного распада находятся федеральные и региональные средства массовой информации.

Научно-практическая значимость исследования. Идеи и способы их обоснования, предложенные в диссертационной работе, намечают собственное культурологические подходы к изучению культурных оснований развития сложных динамических систем, частным случаем которых предстает социальная организация. Предложенная автором методология открывает большие возможности для общетеоретических выводов и обобщений, а также решения частных задач культуротворчества и социального строительства.

Культурная парадигма «переходного периода» может рассматриваться в качестве не только инструментальной категории, но и мировоззренческого «ключа», помогающего объяснить фундаментальные закономерности мироздания. Прикладная значимость исследования предполагает большой диапазон возможностей применения его результатов в практике культурного и социального строительства, в частности, в области законодательного оформления концепции современных российских средств массовой информации, в сфере общего образования и профессиональной подготовки журналистов.

Идеи, составившие основу нашего исследования, могут быть интересны и полезны для вузовского преподавания курсов философии, истории и теории культуры, теории коммуникации, литературоведения, психологии, социологии.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в монографии, учебном пособии, программе курса, статьях и тезисах выступлений, перечисленных в конце автореферата. Различные аспекты исследуемой темы были озвучены автором на международных, всероссийских, межрегиональных и республиканских научных конференциях, проходивших в разные годы в Москве, Минске, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Саранске. Диссертация обсуждена на заседании ка-

федры современной журналистики и общественного мнения филологического факультета Мордовского госуниверситета имени Н. П. Огарева в марте 2005 г. и рекомендована к защите.

Структура диссертации отражает последовательное решение поставленных задач и включает введение, четыре главы (12 параграфов), заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и значимость для современного культурфилософского дискурса поднимаемых проблем, оговаривается степень их разработанности, формулируются цель и задачи исследования, характеризуются ее методологические основания и источники, показывается научная новизна авторских разработок, выводится концепция исследования в виде положений, выносимых на защиту, отмечается практическая значимость полученных результатов.

Первая глава **«Методология культуры в контексте социальной трансформации»** посвящается разработке и созданию теоретических и методологических предпосылок к решению проблемы взаимозависимости социальной практики и символического культуротворчества.

В первом параграфе **«Культура как метаязык общественной эволюции. «Закон метаморфоз» в социальной форме движения»** рассматриваются генеральные функции культуры по отношению к социальному развитию. Автор считает, что той областью, в которой происходит дешифровка психических мотиваций и перевод их в план социальных действий, является культура, выступающая сферой метаязыка по отношению к исторической реальности человека как объекта и субъекта эволюции. По этой причине эволюционный подход к пониманию того, что такое культура, представляется оптимальным с позиций заявленной темы. Преимущества этого подхода состоят в том, что он, пользуясь в качестве исследовательского инструментария большими историческими величинами, позволяет увидеть человеческую жизнь встроенной в единый контекст вечно творящего и творящегося мироздания, повторяющего и воспроизводящего в природе людей единые универсальные законы природы.

Один из этих законов – необходимость в так называемых «хаотических» состояниях, поскольку только через смешение исходных элементов осуществляется «переход» от одного уровня социальной организации к другому. Французский мыслитель Э. Шюре назвал эту эволюционную практику «законом метаморфоз», сформулировав его следующим образом: «...все решающие исторические эпохи суть возвращения древних времен в новой форме, непредвиденной и чудесной. Это не возрождения в собственном

смысле слова, а метаморфозы. (...) Всякая великая эпоха есть переплавка древних элементов и их воскрешение под властью новой идеи» (*Шюре Э Пророки Возрождения : пер. с фр. – М., 2001. – С. 7, 294*).

«Метаморфоза» находится между порядком прошлого и порядком будущего, и этот промежуток наполняется хаосом. Культурные идеалы, которыми одержимы «производители метаморфоз», создают мощное поле притяжения, втягивающее в себя главные события текущего момента и организующее их архитектонику.

Нынешняя культурная ситуация, описываемая в терминах постмодернизма, всего лишь небольшая часть того большого модернизационного проекта, который в облике Возрождения вошел в человеческую историю и сообщил ей техническое в буквальном смысле этого слова ускорение. С ним связано то, что Э. Б. Тайлор называл «распространение культуры». Это положение объясняет связь культуры с такими универсальными социальными феноменами, как информация, коммуникация и управление, в контексте которых и осуществляется внутреннее социальное развитие. Примером социальной структуры, соединившей в себе все эти три феномена, стала в XVII веке журналистика, развившаяся с течением времени в глобальную систему средств массовой информации.

Второй параграф **«Роль культуры в организации социального опыта»** развивает идею редукции культуры к проблеме эволюционной практики человека.

Автор утверждает, что формирование культуры как коммуникативного механизма, действующего на основе психических мотиваций различных уровней, связано с развитием индивидуального сознания и, прежде всего, с совершенствованием и возрастанием роли в поведении живых существ процессов научения и их результатов. Знание глубинных особенностей человеческой психики очень важно для понимания роли средств массовой информации в новейшей истории человечества, которые сегодня эксплуатируют, в основном, образное восприятие массовой аудитории, буквально «научая» ее тем или иным формам социального опыта и нормам поведения. Явно недостаточное обращение к мышлению аудитории, напротив, не позволяет ей критически осмыслить предлагаемую прессой информацию.

Известно, что работу механизма «настраивания», самоорганизации социальной системы обеспечивает массовая память, которая определяет жизнь людей в самых разных «нишах» социальной организации. На уровне отдельных членов общества это проявляется в способности одного индивида «подстраиваться» под поведение другого. В этой связи далеко не случайно «хочота» современных средств массовой информации за «общественным мнением». Сам термин оказался очень удобным с точки зрения культурной символики переходных периодов общественного развития. В общем контексте

социального поведения ссылки на «общественное мнение» – это не что иное, как актуализация и активизация массовой памяти и связанных с этим эффектов групповой или массовой организации.

Важнейшим достижением эволюции можно считать развитие прогностического, предвосхищающего мышления, с помощью которого человек научился моделировать и планировать ситуации общего действия и характер своего участия в них. Именно такое мышление определяет психологические особенности и познавательную структуру мифологического – «упреждающего» – знания, «представляемого» бытия, по-другому – мифа, описывающего и определяющего иерархическую модель эволюционного опыта, в которой за каждым членом общества, как когда-то на древней охоте, закреплено соответствующее место.

Эволюционная борьба за перераспределение иерархических уровней отражена во множестве античных мифов как проявление антагонизма человеческой и божественной воли, в которой только герою дается право переломить волю богов в свою пользу. «Лето мифа» скрывает логическую историю становления общественных отношений. Видимо, вполне закономерно переходные культурные состояния актуализируют массовую потребность в логических структурах мифологии как в надежном основании, опирающемся на древние практики поиска и нахождения социального равновесия.

Свойства массовости и индивидуальности сознания следует рассматривать как внутреннюю оппозицию культурной иерархии. И чем активнее и свободнее ведет себя индивидуальное начало в человеке, тем агрессивнее и жестче на это отвечает его массовая древняя природа. Способность массы действовать как единый организм делает ее незаменимой частью эволюции – нуждающейся в герое как в модели всеобщего поведения, но не прощающей ему посягательств на собственную целостность и монолитность. Развивая индивидуальные познавательные практики, эволюция тем не менее в буквальном смысле спасительную роль отдала массовой компоненте сознания, сохранив в человеке его природную способность «сливаться» с себе подобными как с собственной природной средой, как сливается с красками ландшафта всякое живое существо в момент опасности. Массовидный компонент сознания эволюционно формируется как важнейший адаптационный механизм, который в сущности и обеспечивает развитие индивидуального сознания. Он создает мощную систему защиты от посягательств индивидуальной, и, следовательно, неорганизованной личности на организуемую ею видовую безопасность и социальную целостность. Расширение сферы массовой культуры со второй половины XIX столетия, создание ее индустрии с глобальными коммуникационными сетями к концу XX века следует рассматривать как неосознаваемую массовую реакцию человечества на соци-

альные проекты новейшей истории, буквально сотрясающие мир с начала Возрождения.

Средствам массовой информации принадлежит в общемировом процессе социального «скрепления» выдающаяся роль. Психологическая потребность аудитории в единении позволила прессе занять главенствующие позиции в публичной сфере общественного сознания и со временем определять и формировать ее ценностно-символические предпочтения.

В третьем параграфе **«Культура переходного периода в историческом пространстве и времени»** анализируются условия и особенности изменения принципов социальной иерархии в переходных культурных состояниях. По мнению автора, социокультурная реальность последнего десятилетия в России продемонстрировала общественному сознанию ранее неизвестные возможности социальной деструкции, хаотизации повседневности, роста коллективной и личностной неопределенности, выступающих признаками переходного периода в культуре, которые современная научная методология пытается описывать в терминах постмодернизма.

В свое время постмодернизм стал как бы провозвестником начавшейся информационной эпохи, выразив своеобразное недоумение времени в связи с неожиданными изменениями в общественном сознании и поведении (см.: *Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вopr. философии. – 1993. – № 3. – С. 3 – 16 ; Автономова Н. С. Возвращаясь к азам // Там же. – С. 17 – 22 ; Гройс Б. Да, апокалипсис, да, сейчас // Там же. – С. 28-35*). В стабильных культурных состояниях в коммуникационной паре «запрос-ответ» доля одинаково понимаемого значения информации, то есть общего, единого смысла, весьма высока. Область метаязыка существует как потенциал, как сфера возможных, но не осуществляемых коннотаций. В переходных культурных состояниях, напротив, область метаязыка расширяется, предоставляя человеку широкие возможности выбора значения реальности и, следовательно, выбора самой реальности.

Сходные признаки переходных периодов в культуре обнаруживаются в разные времена и эпохи. Сходство между культурами переходных эпох, стоящих друг от друга далеко во времени, проявляется, прежде всего, в языковых трансформациях. И здесь отмечаются два основных условия, способствующих всяким процессам модернизации в языке и обществе. Первое из них, по выражению немецкого философа В. Бенямина, – форсирование (см.: *Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы : пер. с нем. – М., 2002. – С. 39*). Анализ современной языковой ситуации подсказывает, что в языке форсирование проявляется в виде одновременной актуализации самых разных языковых явлений – от неологизмов в виде семантических сращений и всевозможных разновидностей сленга до выраженной метафоризации. Отметим, что современное словотворчество и поиски формы выраже-

ния художественного чувства и эстетического предела во многом обусловлены возможностями информационной цивилизации и характером ее внутренней организации. Язык современных СМИ демонстрирует, что переходным культурным «напряжением» охвачены самые глубинные пласты повседневности. Приметой нынешнего «перехода» в культуре информационной эпохи, по утверждению Д. И. Дубровского, следует считать явление «журнализма», с которым связывается нынешняя деформация культуротворческой деятельности в условиях роста потоков информации. Деформации проявляются, в первую очередь, в том, что размываются критерии истинности, правды, подлинной ценности и, как следствие, разрушаются экспертные барьеры на пути тиражирования информации, особенно благодаря сети Интернет. (см.: *Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вopr. философии. – 2003. – № 12. – С. 3 – 52).*

Проблема социокультурной трансформации разложима на два вытекающих из нее вопроса: кто инициирует механику социального переустройства и с помощью каких процедур и приемов это делается. Ответы на них даются во второй главе диссертации **«Информационная теория культуры переходного периода»**, где речь идет об инициативных практиках соответствующего толка, пусковым механизмом которых выступает внешне ничем не мотивированное – своевольное, «насильственное» – художественное отрицание существующей эстетики и поэтики жизнетворчества.

В первом параграфе **«Свобода индивида в общественном поведении как идея отрицания культуры. Свобода слова: абстракции и реалии»** говорится о психологических основаниях инициативных практик культурных переходов, выражающих себя в специфической символической форме. В случае со свободой современный человек сталкивается с фундаментальным парадоксом социальной истории. С одной стороны, свобода воспринимается как априорная культурная величина, не подвергающаяся сомнению, с другой – она постоянно сдерживается (ограничивается) различными формами религий, идеологий, законов, традиций, где всюду присутствует категория ответственности.

Автор полагает, что борьба между двумя этими началами особенно обостряется во время социальных трансформаций. Задолго до того, как сознание в массовом его проявлении начинает осмысливать и принимать стандарты нового миропорядка, в публичной его сфере (у художников, публицистов, поэтов) появляется почти неосознаваемый протест против принятых за классические форм и способов выражения переживаемого чувства, другими словами – возникает нигилизм. В европейской культуре нигилизм принял форму требований свободы – причем, в весьма специфическом ее прочтении – как возможности не делать, не совершать жизненных усилий в границах

данного социального контекста, а попытаться изменить сам контекст. Именно такая трактовка свободной воли стала в XVI-XVIII вв. основой либеральных теорий, освобождающих «человека индивидуального» от многих атрибутов цивилизации, от принудительности выполнения общественных обязательств.

В центре всех проектов общественных преобразований находилась идея свободы печати. Прогрессивные буржуазные идеологи обнаружили в печатном капитализме необходимое и ничем не заменимое средство распространения модернистских идей, расширения политической пропаганды и привлечения к антифеодальной борьбе народных движений. «Рынок идей» – эта гениальная находка английского просветителя Джона Мильтона стала связующим мостиком между несоединимыми в принципе культурными явлениями: свободой духовно-философского творчества и «неволей» коммерческой выгоды.

Именно так Возрождение инициировало глобальную модернизацию, запустив один из самых влиятельных механизмов культурной парадигмы переходного периода – механизм «критической дешифровки» реальности. В индивидуализированном сегменте культуры он был связан с поиском перспективных моделей развития, в массовом – с отказом от опорных идеологических и политических ценностей, проявлявшемся в форме тотального осмеяния существующего порядка. В совокупности все это можно рассматривать как изменение познавательного стиля эпохи модерна на основе иронии, соединяющей актуальные ценности и высокие смыслы со смеховым неприятием их и инициирующей, таким образом, логику сомнения в правильности существующего порядка вещей. Гносеологическая опасность иронии заключается в том, что она «отучает» сознание видеть и находить тот ценностный предел, перейдя за который уже невозможно повернуть назад, потому что за ним ирония превращается в огульную критику, сомнение же становится неприятием, разрушающим устойчивые смысловые структуры.

Далеко не случаен тот факт, что ирония контекстуально совпадает с эпохой модерна. Разрастание индивидуализированной сферы культуры стало причиной общиронического отношения к миру, которому было отказано в праве представлять собой реальность с ее устойчивыми и незбылемыми характеристиками. Нигилистическая идея отрицания «плохой» реальности и соблазн заменить ее на другую вызвали к жизни целую эпоху модернизационных проектов и духовно-эстетических исканий, в совокупности обесценивших онтологию реальности и превративших ее в условность, или в поле для интеллектуально-духовных упражнений.

Достигнув кульминации во второй половине XX века, иронический стиль создал на базе модернизированной социальной коммуникации метакультуру постмодернизма, занятую исключительно освоением пространства

условности, поля «театральных подмостков», уже не оставляющую человеку времени на то, чтобы посмотреть и проверить, что выйдет на практике из вновь рожденной модели преобразований, очередного сценария устройства мира, который, будучи разыгранным «на подмостках» прессы, весь превращается в собственную виртуальную модель. Триумф иронии как свободного, вседозволяющего стиля в мышлении обеспечил и массовый культурный переход от «поэтики сюжета» к «поэтике фрагмента» в сфере коммуникационных технологий. Фрагментарность обыденного мышления, свойственная культуре непосредственных повседневных восприятий, стала вместе с массовыми формами культурного творчества доминирующей в познавательной практике Нового европейского времени, создав журналистику факта.

Второй параграф **«Формирование модели культурного идеала в общественном сознании. Реконструкция эпоса в массовой коммуникации»** логически развивает идеи, заложенные в основу теории переходного периода, — в частности смены социально-ценностных парадигм.

Автор считает, что задолго до активизации массового критического настроения в публичной сфере начинают проступать неявные, но уже угадываемые контуры новых социальных идеалов, инициирующие создание новой социальной мифологии и готовые массовое сознание к появлению новых носителей культурной символики. Символическое оформление новой идеологии осуществляется с помощью механизма мифотворчества. В структуре мифа скрываются легкоузнаваемые смыслы, на основе которых осуществляется внутрисоциальная коммуникация. Введение новых понятий, неизвестных ранее фактов провоцирует распад коммуникативного механизма как совокупности легкоузнаваемых смыслов. Новые понятия, не связанные со значением и конкретикой предметного мира, обретают статус «семиотических фантомов», отделяя тех, кто понимает, от тех, кто не понимает, связывая с «понимающими» знак социального престижа. «Разорванное» мышление, характерное для переходных периодов, нарушает связи и отношения, стоящие за словом, — то есть то, что воспринимается как смысл. «Разрывы» в коммуникации, с одной стороны, и восстановление ее методом создания новых общих смыслов, с другой, — характеризуют когнитивные процедуры переходных периодов в культуре в целом. В ситуации общего непонимания происходящего вступает в действие скрытый механизм дешифровки реальности.

Выявляется универсальный культурный код, с помощью которого вскрывается семантико-ценностное единство общепринятых понятий и смыслов, а ценностная символика переносится с одного ряда предметов на другие. Таким кодом, созданным веками развития культуры, является «миф о герое». Этот миф реконструирует в массовом сознании эпический пласт культуры, связанный с эволюционной механикой выведения общества на новые социальные структуры. Психологическая структура мифа, заложенная в

основание социальной модернизации, содержит в себе модель героя, символически оформляющую дерзкий шаг эволюции за пределы массовой психики, выглядящую как потребность индивидуализированной свободной личности выйти за санкционируемые массовым запретом границы, разрушив их и создав прецедент новой социальной общности. Эпический пласт сознания обеспечивает перенос поведения мифических – повествовательных, литературных, массово-информационных – героев в жизнь.

Современное мифотворчество реплицирует во множестве сюжетов криминального фольклора ценности слоя, пришедшего к культурной власти на постсоветском пространстве. Героизированная и тем самым «реабилитированная» в сознании современной российской молодежи «жизнь нар» связывает потребителей этих сюжетов с вполне конкретными жизненными смыслами, заставляя соответствовать им в повседневном поведении. Условность видения мира, «игра в жизнь», создающая «воровской мир» всего лишь как одно из возможных допущений реальности, становится опасным гносеологическим экспериментом в новоевропейской культуре, нашедшим применение в сегодняшней российской социальной практике.

Показателем того, что общество перешагнуло критический порог «культурного перехода», является то, что новые понятийно-смысловые структуры требуют закрепления в общественном сознании в виде монументализации достигнутого, которая предполагает сотворение исторического контекста. Под этим имеется в виду фиксация новых социальных достижений в собственно культурных символах – изданиях соответствующих «новому времени» книг, возведении архитектурных сооружений, написании литературных произведений, создании кинофильмов. Назначение механизма монументализации заключается в воспроизведении героического алгоритма в его конкретно-историческом выражении, стимулирующего соединение моделирующих и реплицирующих оснований культуры.

Смена моделирующих оснований культуры происходит в особой сфере сознания, связанной с возможностями общественного, то есть доступного всем и открытого, выражения оценок по отношению к происходящему. В этом контексте третья глава диссертации **«Публичная сфера и механика социокультурного творчества»** раскрывает особенности организации социального пространства на основе психологических закономерностей межличностной коммуникации.

В первом параграфе **«Коммуникативные функции публичности»** переходные периоды культуры описываются как безусловные «режимы с обострением», когда отчетливо проявляются скрытые в текущей повседневности закономерности функционирования обновляющихся информационных потоков. В этом значении, по мнению автора, и содержание массовой информации, и организация каналов ее передачи могут служить моделью

протекающих в культуре и обществе процессов. Очевидно, что «подготовительная работа» по формированию моделей будущих социальных преобразований происходит в особой сфере культуры, которая определяется как публичная.

Различные оттенки значения слова «публичный» в русском языке могут послужить яркой иллюстрацией тех многообразнейших пластов социальной жизни, которые обязательно предполагают соотнесенность с публичностью. Можно попытаться определить специфические функции, закрепленные за публичной сферой. Она обеспечивает прохождение, «просеивание», как через сито, через пристрастный взгляд общества даже самых незначительных социальных действий с тем, чтобы дать одним продолжение, а значит выразить их в культурных знаках одобрения, другим – высказать неодобрение, и значит – прекратить их, в итоге – уберечь социальный организм от саморазрушения. Массовая память тщательно оберегает накопленный культурой опыт социального самосохранения: исходная парадигма «опасно-неопасно» сохраняет свою онтологическую природу под самыми разнообразными «культурными одеждами» – от древности до современности. И столь же тщательно массовая память хранит способы осуществления «общественного надзора» за поведением членов общества – те исходные формы коммуникации, которые, как «социальный цемент», скрепляют общественные структуры различных уровней и в древности, и в современности.

Здесь имеется в виду самый распространенный способ межличностного общения, описываемый в психологии в форме слухов и сплетен. В коммуникативной форме слухов и сплетен актуализируется древнее специфическое сознание индивида, рассматривающего себя только как часть целого, как часть «мы». Пристальный взгляд на природу современных средств массовой информации убеждает в том, что они, несмотря на эволюцию общества, повторяют культурные особенности и характер функционирования древних родовых форм массовой коммуникации, воспроизводя теперь уже в глобальном масштабе исходные мотивации социального самосохранения и обусловленные ими же формы межличностного общения. Вектор публичности направлен к идее справедливости как главной культурной идее, способной уравновесить притязания индивида, мучительно преодолевающего естественн-биологические условия вхождения в иерархию, и тем самым обеспечить социальное равновесие.

Современная массовая информация воспроизводит в своей практике все особенности циркуляции слухов. Выводя событие «на сцену», телекамера тем самым подчеркивает его значение для публичной сферы, преувеличивая его серьезность и общественную значимость. Общественная поддержка открывает пути к влиянию на само общество: во-первых, через стихийное воспроизведение и тиражирование образцов одобренного поведения; во-

вторых, через доступ к «центрам влияния» — институтам идеологии и власти и сопутствующим им социальным привилегиям.

Во втором параграфе «Структурная иерархия публичной сферы» рассматриваются характерные особенности организации коммуникативного процесса в социально равновесном и переходном периодах.

По утверждению автора, социальная коммуникация осуществляется посредством информационно-обменных ситуаций, возникающих как спонтанно — в процессе повседневного межличностного общения, так и целенаправленно — в результате действия заинтересованных социальных институтов. В таком случае имеет место выведение информации через взаимодействие с представителями групп на массовый уровень. Этот уровень коммуникации имеет свойство генерализировать попадающие сюда смыслы, делая их одновременно и общепонятными, и актуальными. И он же является абсолютным условием поддержания социальной целостности, ведь именно здесь формируется эмоционально переживаемое всеми чувство общности («общностного действования» — по М. Веберу), переходящее непосредственно в образование социальных и политических структур, прежде всего — государства. Мотив «что скажут?», поднятый на уровень социальной генерализации, оказывается ведущей побудительной силой в практике современных СМИ, воспроизводящих коллективный характер создаваемой в обществе информации. Высокоскоростные средства передачи информации на все общество делают современный коммуникационный процесс исторически беспрецедентным культурным явлением.

Отчасти специфику публичной сферы объясняет такой психологический феномен, как известность. Через людей известности устанавливаются границы, приоритеты и направление обсуждения событий. «Известный человек» — своего рода камертон, подчиняясь «звучанию» которого социальная масса организует — «настраивает» — собственное поведение. С категорией известности связан фундаментальный принцип выведения в публичную сферу образов событий и личностей, создающих и формирующих для общества привлекательные — прогностические — модели развития. С известностью в определенной мере сопряжена категория актуальности. Делая событие известным, массовая информация тем самым переводит его в разряд актуальных. Само собой разумеется, актуальное событие обязательно должно быть выведено в публичную сферу, стать известным, чтобы иметь значение для последующего социального развития. Механизмы выведения какого-либо события из разряда потенциальных в план актуальных представляют собой психологически скрытые процедуры, не явные для сознания, потому они мало заметны и в современных средствах массовой информации.

Корреляция между актуальностью и известностью вытекает из того, что люди выстраивают линию социального поведения только на основе

имеющегося в их распоряжении знания, составляющего представление об образе мира и собственного поведения в нем. Механика создания этого образа заключается в воспроизведении контуров актуальности, или ее инициации. Воспроизведением «силовых линий» мира и «точек актуальности» исторически управляет достаточно узкий круг людей. Применительно к информационной практике сегодняшнего дня можно говорить об имитации актуальности. Соккрытие одного и обнаружение другого – так выглядит основной прием, сопутствующий коммуникационному процессу вообще, вне его «привязки» к средствам массовой информации, воспроизводящим механизмы естественной коммуникации.

Информационное моделирование представлений о реальности (так называемой «картины мира») – пример подобной «открытости» намерений, находящейся к тому же в полной безопасности под прикрытием доктрины свободы слова и поступка, заложенной в правовой сегмент современного общества. При этом совершенно особое значение приобретает практика актуализации «нужных» в политическом смысле событий во время переходных культурных состояний. Борьба за доступ к публичной сфере – классический пример той самой борьбы за информацию, за актуализацию нужных в политическом отношении событий.

В третьем параграфе **«Общественное мнение как механизм социальной самоорганизации»** исследуются идеологические и технологические механизмы одной из древнейших форм информационной практики, подчиненной решению задач социального выживания.

Термин «общественное мнение» является находкой европейских просветителей, обеспокоенных многочисленными народными волнениями на стыках общественно-экономических формаций и неосознанно желавших придать этим стихийным процессам управляемый характер. И они нашли такую возможность, внедрив политические практики в массовую коммерческую журналистику. Общественное мнение как механизм самоорганизации социальной системы сопровождало человечество на протяжении всей его истории, «подсказывая» решения сложных социальных вопросов. Сегодня этот древний механизм социального выживания испытывает на себе жесткое воздействие политической власти через систему владения коммуникационными каналами. Между вождями племен и нынешними «лидерами мнений» существует только одно различие – неравная возможность пользоваться техническими средствами передачи информации, допускаемая массами людей единственно по причине их разрастания до глобальных размеров. Самый очевидный эффект, производимый общественным мнением, – это организованное социальное действие, в котором данный феномен проявляет себя как механизм саморегуляции общественного поведения и – следовательно – самоорганизации социальной системы.

Общество как сложная социетальная структура в процессе эволюции сформировало две важнейшие потребности.

Первая потребность – это сохранение в социальной памяти и распространение в людском сообществе тех правил и норм поведения, а также ценностей, которые на практике доказали свою жизнеспособность и помогли ему самосохраниться в борьбе с природой и противостоянии другим социальным системам. Общественное мнение в этом случае выступало как «рассеивающий фактор», обеспечивающий диффузию (конвертацию) необходимого знания внутри социальной системы.

Вторая потребность – это связанная с индивидуальным сегментом культуры выработка новых норм поведения и ценностей, которые могли бы обеспечить обществу дальнейшее развитие вслед за меняющимися условиями окружающей среды. Таким способом общественное мнение создает ценностные и нормативные «неоднородности» в социальной среде. В столкновении этих важнейших потребностей вырабатываются формы психического реагирования индивидов на поведение друг друга внутри социальной системы, фиксирующиеся в культурной символике.

Таким образом, общественное мнение предстает как механизм выработки ценностных общественных регулятивов; оно существовало всегда и эволюционировало вместе с человеком, точнее – вместе с его культурной историей. Синергетическая теория подталкивает к выводу о том, что корректнее говорить не о свойствах массового сознания, а о способности и готовности каждого отдельного сознания «подстраиваться» под сознание другого, активизируя психологические зоны совпадения смыслов. В данном случае уместнее говорить о существовании устойчивых познавательных структур, воспроизводящих инвариантное восприятие информации, что убедительно доказывается эффектами корреляции в группах различной величины.

Не случайно в практике сегодняшних средств массовой информации ссылки на общественное мнение стали самой привлекательной формой управления социальным поведением: «Опросы общественного мнения являются частью механизма самореализующегося предсказания ...сообщения прессы о результатах опросов могут стать еще одним доводом в процессе формирования отношения людей к тому или иному кандидату или проблеме» (Гоуайзер Ш., Уитт Э. *Путеводитель журналиста по опросам общественного мнения* : пер. с англ. – М., 1997. – С. 9, 25). По другому, не менее авторитетному свидетельству, «СМИ являются средством ценностной генерализации или универсализации, находя общие основания для носителей разных взглядов, представителей разных культурно-этнических общностей и социальных групп, разных территориальных локальностей в составе единой страны» (Реснянская Л. Л., Фомичева И. Д. *Газета для всей России*. – М., 1999. – С. 113). Использование общественного мнения в целях управления

Социальным развитием – это серьезная и ответственная задача, стоящая перед мировым сообществом. Игнорировать сегодняшние достижения гуманитарного знания в теории коммуникаций и продолжать настаивать на «свободном рынке идей», на «свободном перемещении информации» внутри общества – значит отказывать себе в адекватном восприятии реальности.

В четвертой главе **«Массовая информация и познавательный стиль реформационной культуры»** изучаются изменения типа коммуникации, лежащие в основе социальных трансформаций, которые связаны с процессами, затрагивающими глубинные мыслительные структуры, и которые отвечают за способы восприятия и отражения людьми массовой информации.

Первый параграф **«Фактуализм» как идея объективности массовой информации»** посвящается всесторонней критике «концепции объективных фактов», претендующей на доминирующее положение в современной журналистской практике.

Автор отмечает, что эпоха европейской модернизации актуализировала стиль повседневных фрагментарных восприятий, создав на его основе информационную эстетику и поэтику фактуализма. Фактуализм становится господствующей идеологией в культуре, начиная со времени активного внедрения технологических практик в сферу массового информирования. В культуре этот период совпадает с появлением в 30-е годы XIX века в США массовой печати, изменившей отношение не только к содержанию информации, но и способам ее публичного предъявления (см.: *Dominik Joseph R. The Dynamics of Mass Communication. – 3rd ed. Athens, 1990*).

Неудача мильтоновского «рынка идей», обернувшаяся спекуляциями в массовом их производстве, компенсировалась позже удачей «рынка фактов», запрятавшего эти спекуляции в убедительный для массовой аудитории тезис о ее способности самостоятельно выработать суждение на основе «объективных фактов». Эта убедительность имеет под собой серьезнейшее психологическое обоснование. Дуалистическая парадоксальность познания специфически заявляет о себе тем, что на обыденном уровне мышления факт соотносится с фрагментом действительности, и «объективная» действительность наделяет факт присущей ей очевидностью, а вместе с этим – достоверностью и убежденностью в том, что видимое и воспринимаемое и есть единственно возможное существующее, следовательно – объективное.

Отожествление факта и события является типичным заблуждением теории и практики современного массового информирования. Теоретическая неосведомленность журналистов-практиков и естественный непрофессионализм потребителей их информации позволяют манипуляторам сознанием создавать методом отбора фактов любые версии действительности при полной убежденности аудитории в том, что нет информации более надежной и достоверной, чем факт. Развитию этой методологии в немалой степени спо-

собствовало общее изменение познавательного стиля в культуре модерна, потребовавшей «технологической» простоты как в мышлении, так и в жизни, а затем и постмодернизма, доведшего эту простоту до абсурда в методике монтажа и коллажа информационных текстов, создающей ежедневно огромный «воображаемый» мир, неопределенный и лишенный какой-либо возможности причинно-следственной целостности.

Для журналистики неопределенность информации и способы ее снятия представляется более чем актуальной проблемой. Она прослеживается на двух уровнях – техническом и гносеологическом. Первый очевиден и связан с пропускной способностью каналов передачи информации, когда известные технические ограничения создают ситуацию неполноты информации и, следовательно, вызывают необходимость выбора, предпочтения того или иного факта. Ситуация выбора – это переход ко второму уровню, собственно познавательному, менее очевидному, но в итоге определяющему характер деятельности средств массовой информации.

Существует принципиальная невозможность вывода в публичную сферу культуры всей создаваемой в обществе информации, способной сообщить обо всем, что происходит вокруг нас и с нами. Эта ситуация создает гносеологический зазор, позволяющий управлять процедурой отбора информации, формировать фактические ряды по заданным образцам и, следовательно, моделировать картины мира. Действительно, мир безграничен и бесконечен в своих проявлениях, и человек, будучи не в состоянии объять всю многомерность реальности, вынужден фокусировать, сосредоточивать взгляд на отдельных сторонах окружающей действительности. При этом сознание структурирует действительность, в связи с чем непрерывность внешнего по отношению к рефлексивным процедурам мира отражается в сознании дискретными фрагментами, словно она «разорвана» на события, отделенные друг от друга в пространстве и времени. Фиксирование («остановка») вечно движущейся и изменяющейся материи в каком-то из бесконечного множества своих проявлений – один из познавательных приемов, выработанный веками человеческой эволюции.

Достижение объективного знания – это постоянное продвижение к нему, непрерывный отбор из субъективных фактических фиксаций крупинки сходного, общего, а следовательно – объективного – знания. Установка на предельную объективность и принципиальная невозможность её уловить, зафиксировать в единичном познавательном акте отчасти объясняют противоречивую природу факта. При постоянном столкновении противоречий и «выясняется» то общее знание, которое может быть принято всеми как объективное, то есть приемлемое и понимаемое людским сообществом.

Во втором параграфе «**Культурно-символические системы массовой коммуникации**» затрагивается одна из важнейших проблем современного

массово-информационного производства, а именно: как соотносятся в общем культурном плане профессиональная журналистская необходимость «точного» освещения фактов и система существующих культурных символов и ценностей.

Первичность того или другого, по мнению автора, определяет в итоге параметры последующего информационного моделирования. В общем виде ценностно-символические системы – это и совокупность самых разных знаний о действительности, и логические процедуры их упорядочивания. Периоды культурных переходов, затрагивающие всю общественную систему, всегда актуализируют гностику обыденного сознания. Логика упорядочивания информации на обыденном уровне имеет в основе стихийно возникающую селекцию восприятия. Как раз этот механизм и имитируют СМИ, создавая в аудитории иллюзию того, что заданность в отборе информации отсутствует, и потому такой информации можно доверять как любой другой, полученной в результате спонтанной селекции.

Практика современных СМИ заложила фактическое информирование в механизм выработки нового культурно-символического контекста переходного периода, создав в обществе прецедент перманентной неопределенности, или устойчивой переходности. В этих условиях обращение к факту не решает проблемы снятия неопределенности. Фактическое знание не дает гносеологических гарантий достоверности знания, поскольку ценностно-понятийные системы журналистики, в границах которых происходит отбор фактов, детерминированы аналогичными системами политики, вынужденной в силу специфической роли в обществе создавать жесткие оценочные императивы по отношению к альтернативным ценностным системам.

Идеология как система представлений о необходимом образе жизни представляет собой не что иное, как информационный материал, создающий набор информационных матриц, которые, проникая в сознание, формируют стиль и характер реагирования на происходящее и, соответственно, определенную модель поведения. История журналистики – это история ее союза с политикой, умело и тонко использующей управляющие возможности публицистического текста и его способности организовывать общественное поведение. В рамках официальной идеологии создаются законы, нормативные акты, определяющие «вектор поиска» фактов, из которых затем и будет выстроена картина мира в ее публицистическом варианте.

Стандарты восприятия и отбора информации во многом определяются идеологией и ценностно-политическими предпочтениями владельцев информационных каналов. Информационная политика изданий создает своеобразный институт «внутренней» цензуры, в условиях которой каждый работник знает, что может быть принято, а что отвергнуто.

Публичность и публицистичность в данном случае выступают безусловными коррелятами. Публицистическое знание, возникая внутри публичной сферы, имеет ярко выраженную политическую окраску. При этом политическим в широком смысле является не только то знание, которое возникает в связи с внешнеформальным проявлением действий практических политиков. При фактологическом информировании это представление запрягано за познавательными процедурами первичных силлогических обобщений аудитории, и умелый подбор фактов неизбежно выводит потребителей фактической информации на заданные обобщения.

И в этом смысле факт – очень удобная технологически категория, способная при полной иллюзии своего «нейтрального» бытования в культурном пространстве встраиваться в различные познавательные и ценностно-символические системы.

В третьем параграфе **«Информационное моделирование и социокультурное прогнозирование»** анализируется практика современных средств массовой информации, связанной с использованием как познавательных, так и технологических их возможностей при создании культурных аттракторов, определяющих вектор последующего социального развития.

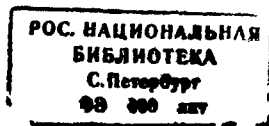
В современной коммуникативистике достаточно четко прописан тезис о том, что мощностные информационных технологий, использующих сегодня электронные средства массовой информации, настолько перекрывает соответствующие возможности индивида, что практически лишает его собственных информационно-рефлексивных оснований. Совокупность «информационных» проблем, в сущности, сводится к тому, что современный человек теряет способность критической оценки информации, получаемой массово-коммуникативным путем и лишается возможности самостоятельно формировать структуру своих представлений о социально-политической реальности, что вызывает, в свою очередь, разрушительные социокультурные последствия.

Сегодня СМИ, аккумулировав идеологические (по сути – жреческие) и административные функции, начинают – в силу их небывало широкого распространения в обществе – претендовать на роль онтологического основания социальной организации. Реальность зафиксированных в материальных формах смыслов оказывается более «настоящей», чем породившая их действительность. Знаковая, оценочная структура фактического знания, до сих пор игнорируемая любителями «чистого» информирования, властно заявляет о себе в многочисленных конструкциях инженеров от информации, в буквальном смысле диктуя им условия и правила отбора фактических сведений. В этом и состоит особенность нынешней переходной культурной ситуации, детерминантами которой наравне с событиями общественной жизни в их буквальном проявлении становятся и медиа-события – онтология вир-

туальной действительности. По этой причине контроль за распространением и содержанием информационных потоков, их идеологическим вектором усиливается год от года, и прогноз в культурной сфере выявляет растущее усиление контроля над высокотехнологичными средствами обработки информации. Это оборачивается выводом малообеспеченных социальных слоев от реального производства в сфере культурной символики и неизбежным произволом здесь экономически авангардных социальных групп. Такая ситуация уже обозначена в концепциях, описывающих новый тип «сетевой» культуры, формирующейся вдоль привилегированных линий информационных технологий (см. : *Землянова Л. М. Сетевое общество, информатизм и виртуальная культура // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 10, Журналистика. – 1999. – № 2. – С. 58-69.*

Даже в самой доступной информационной системе мира – сети Интернета – степень самоорганизации коммуникационного процесса во многом определяется характером его предварительной организации – например, состоянием региональных телефонных сетей, господствующим здесь национальным языком, запрограммированным способом поиска и получения нужной информации. Современную журналистику следует рассматривать как информационную инженерию. На телевидении эти технологии «запрятаны» в характерные для массового сознания «игровые» формы участия в коммуникативном процессе. Замена взрослых форм поведения детскими сводит сверхсложный процесс культурной коммуникации к упрощенному ценностно-символическому обмену по схеме «хорошие наши победители» и «плохие чужие побежденные». Режиссура общественно-политических передач телевидения, метод управляемого отбора фактов – все это, в сущности, создание механизмов в их почти буквальном техническом смысле. Профессиональная информационная деятельность переходит из области творчества в область технологии создания жестких культурных систем, направленных на проектирование прогнозируемого социального поведения.

Привнесение в открытую динамическую систему (в данном случае – в культуру) элементов механического свойства многократно уменьшает вероятность ее самоорганизации. Жесткие системы программируют поведение человека, исходя из конечных наличных возможностей собственного функционирования, и даже задают парадигму действий, и такое поведение в этом случае легко прогнозируется. Рассмотренная с таких позиций культурная коммуникация есть не что иное, как способ придания социальной системе – открытой изначально – элементов жесткости, или создания «культурного каркаса» в форме устойчивых традиций и обычаев. Информационное моделирование в данном контексте можно трактовать с точки зрения психологической как попытку разрушения механизмов традиционной самоидентификации. При этом опыт непосредственного практического общения человека с

окружающим миром замещается опытом освоения мира, предлагаемым СМИ в качестве всеобщей информационной модели действительности.

В четвертом параграфе **«Культурная практика создания управляемых социальных систем»** исследуется методология фактического информирования людского сообщества средствами масс-медиа, имеющего целью широкого внедрения на социетальном уровне новых стереотипов сознания и моделей поведения.

Автор утверждает, что грандиозный проект апологетов «новой» отечественной культуры предполагает создание «нового типа сообществ» в качестве исходного идентификационного основания российского общества. Методология фактического информирования в средствах массового информирования выглядит в этом случае как «объективная» практика наблюдения за текущей действительностью, фиксирующая появление в современном обществе типичных социальных персонажей, демонстрирующих новые модели поведения. Подобная установка на «взаимоотношения с действительностью» актуализирует себя как всеобщая познавательная практика в режиме переходных культурных состояний. Методология фактуализма эксплуатирует познавательный стиль повседневного фрагментарного восприятия, востребованного практикой культурной коммуникации новейшего времени. Но повседневное восприятие не ограничивается только суммированием непосредственных фиксаций, оно нуждается в выведении закономерностей как в своеобразном дидактическом материале, обеспечивающем социальное единство. Выведение закономерностей в процессе повседневной культурной коммуникации сводится к поиску типичного и возможным типизациям. Способность сознания «сворачивать» действительность до ограниченного количества упрощенных и однозначных характеристик, отраженная в логике повседневной типизации, дошла до предельной степени выражения в современных средствах массовой информации с их установкой на фрагментарно-фактологическое постижение окружающего мира.

Типизируя формы социального поведения, журналистские тексты имитируют ту самую «верховную реальность» (А. Шюц), рациональная типологическая организация которой оказывается наиболее полной и насыщенной формой человеческого знания о мире. Типизация представляет собой культурный механизм упорядочивания и классификации сложного набора многообразных явлений окружающего мира. Через массовое воспроизведение типического поведения выстраиваются социальные структуры и упорядочивается внутреннее социальное движение.

Резкое увеличение в переходных культурных состояниях символического творчества выглядит как ответ культуры на очередной вопрос эволюции человеку, занятому поисками жизненного смысла возле сакрального «центра мира». Это ответ, предлагающий обобщающее образное, а потому

доступное и легкое для понимания видение («отпечаток») социального развития, содержащееся в символе, что весьма актуально для нынешнего этапа развития культуры, на котором в авангарде оказался «человек массовый». От фонвизинского Вральмана до современного Бумера (героя одноименного фильма: «бумер» на молодежном сленге означает марку престижного автомобиля) тянется психологическая линия выявления и выведения типического культурного персонажа повседневности. Это, собственно, и есть механизм «управления культурой». Этот тезис ярко иллюстрирует практика современных средств массовой информации, монополизировавших наиболее существенные операции культурного производства, и в первую очередь – гностику повседневной типизации.

В **Заключении** приводятся самые общие выводы исследования в их символически-культурной представленности.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

Монографии, научные издания, учебные пособия

1. Поелуева, Л. А. Средства массовой информации в культуре переходного периода : моногр. / Л. А. Поелуева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. – 132 с.
2. Поелуева, Л. А. Факт в работе журналиста : учеб. пособие . – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 70 с.
3. Поелуева, Л. А. Основы журналистики : программа курса / Л.А. Поелуева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 24 с.

Научные статьи, тезисы докладов и выступлений

4. Поелуева, Л. А. Факт и жанр / Л. А. Поелуева. – Деп. в ИНИОН АН СССР 06.08.85, № 2196.
5. Поелуева, Л. А. Что за фактом? // Полит. вестн. – [Саранск], 1988. – № 23. – С. 22 – 24.
6. Поелуева, Л. А. Достоверность факта в публицистике // Огаревские чтения : тез. докл. науч. конф. – Саранск, 1991. – С. 23 – 25.
7. Поелуева, Л. А. Парадоксы очевидного (несколько слов к характеристике факта в публицистике) // Вестн. Морд. ун-та. – 1992. – № 4. – С. 38 – 41.
8. Поелуева, Л. А. Условие истины (гносеологические основания достоверности публицистической информации) // Вестн. Морд. ун-та. – 1995. – № 3. – С. 20 – 22.
9. Поелуева, Л. А. Искусство и средства массовой информации / Л. А. Поелуева, В. И. Антонова // Творчество Степана Эрьзы в контексте диа-

лога культур XX века : тез. докл. I Междунар. Эрзынских чтений : в 2 ч. – Саранск, 1997. – Ч. 1. – С. 52 – 53.

10. Поелуева, Л. А. Методология формирования экологического мышления как глобальная культурологическая проблема // Н. П. Огарев от XIX к XX веку : материалы и тез. докл. XXVII Междунар. Огаревских чтений. – Саранск, 1999. – С. 116 – 117.

11. Поелуева, Л. А. Инструментальные категории в системе журналистского образования (к проблеме осмысления факта в журналистике) // Журналистское образование в XXI веке. Кого, кому и как учить в журналистике? : сб. материалов Междунар. учеб.-метод. конф. – Екатеринбург, 2000. – С. 59 – 62.

12. Поелуева, Л. А. СМИ в контексте непрерывного образования // Средства массовой информации в современном мире : тез. Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2000. – С. 22 – 23.

13. Поелуева, Л. А. Состояние неопределенности в массовых информационных процессах // Вестн. Морд. ун-та. – 2000. – № 1/2. – С. 77 – 80.

14. Поелуева, Л. А. Типологические параметры новостной информации в содержательно-модификационной динамике жанровых форм / Л. А. Поелуева, В. И. Антонова // Вестн. Морд. ун-та. – 2000. – № 3/4. – С. 89 – 91.

15. Поелуева, Л. А. Факт как векторная величина // Журналистика-2000 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2000 – С. 93 – 95

16. Поелуева, Л. А. Концепты искусства в ситуации культурного противостояния // Уникальность и универсализм творчества С. Д. Эрзы в контексте современной культуры : тез. докл. II Междунар. Эрзынских чтений. – Саранск, 2001. – С. 76 – 77.

17. Поелуева, Л. А. «Реальная виртуальность» и информационные модели действительности // Традиционные проблемы гуманитарных наук глазами молодых : сб. материалов. – Саранск, 2001. – С. 80 – 82.

18. Поелуева, Л. А. СМИ и кризис ценностно-коллективной идентичности // Журналистика и журналистское образование нового столетия: теория и практика : материалы Пехтелевских чтений. – Казань, 2001. – С. 152 – 156.

19. Поелуева, Л. А. СМИ региона и проблема коллективной идентичности // Регион: контуры безопасности и развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 4 ч. – Саранск, 2001. – Ч. 4. – С. 51 – 53.

20. Поелуева, Л. А. Факультатив «Основы журналистики» в контексте школьной программы // Нар. образование. – [Саранск], 2001. – № 2. – С. 50 – 54.

21. Поелуева, Л. А. Факультатив «Основы функционирования СМИ» как предмет школьной программы // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Фи-

логогическая подготовка преподавателя-словесника в университете». – Саранск, 2001. – С. 227 – 229.

22. Поелуева, Л. А. Концептосфера русского языка и массовая информация: проблема культурной борьбы // Журналистика Поволжья: век XXI : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Казань, 2002. – С. 71 – 72.

23. Поелуева, Л. А. Массовая информация в процессе внутрикультурной коммуникации // Журналистика-2002 : Матэрыялы 4-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. – Мінск, 2002. – Вып. 4. – С. 169 – 172.

24. Поелуева, Л. А. СМИ в контексте социокультурной динамики // Журналистика в 2002 году : СМИ и реалии нового века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2003. – С. 288 – 289.

25. Поелуева, Л. А. СМИ и проблема культурной традиции // 300 лет российской газете. От печатного станка к электронным медиа : сб. материалов Междунар. конгресса. – М., 2002. – С. 349 – 350.

26. Поелуева, Л. А. Виртуальное моделирование картины мира // 300 лет российской журналистики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2003. – С. 196 – 199.

27. Поелуева, Л. А. Средства массовой информации как агрессивный фактор окружающей среды // Интеграция региональных систем образования : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Саранск, 2003. – Ч. 1. – С. 70 – 73.

28. Поелуева, Л. А. Средства массовой информации в культуре постмодернизма / Л. А. Поелуева // Журналистика в 2003 году : обретения и потери, стратегии развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М., 2004. – Ч. 1. – С. 150 – 152.

29. Поелуева, Л. А. Работа с фактом в обучении журналистов // Журналистика в 2004 году : СМИ в многополярном мире : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М., 2005. – Ч. 2. – С. 340 – 341.

30. Поелуева, Л. А. СМИ и ментальная карта среды: технологии смены идентификационных матриц // Интеграция образования. – [Саранск], 2005. – № 3. – С. 138 – 143.

31. Поелуева, Л. А. Технологии информационного воздействия печатных СМИ в процессе гармонизации этнокультур Приволжского региона / Л. А. Поелуева, В. И. Антонова // Регионология. – [Саранск], 2005. – № 3. – С. 185 – 190.

Подписано в печать 21.10.05. Объем 2,25 п. л.

Тираж 100 экз. Заказ № 2078.

Типография Издательства Мордовского университета
430000, г. Саранск, ул. Советская, 24

№ 19788

РНБ Русский фонд

2006-4

18243